

Глава 1. Бенджамин Франклин и обретение Америки

Прибытие этого человека в Филадельфию — одна из самых знаменитых страниц автобиографической литературы: перепачканный грязью семнадцатилетний беглец, дерзкий и застенчивый одновременно, выбирается из лодки и, двинувшись по Маркет-стрит, покупает три пухлые булочки. Но обождите минутку! Здесь кроется нечто большее. Снимите несколько слоев времени, и вы обнаружите его уже шестидесятипятилетним. Он вглядывается в прошлое, сидя в английском загородном доме, и описывает вот эту сцену, притворяясь, будто пишет письмо. А все для того, чтобы его сын — незаконнорожденный сын, вознесенный на должность королевского губернатора и претендующий на аристократизм, — помнил о своих настоящих корнях.

Внимательный взгляд на рукопись откроет еще один слой. В предложении, где говорится о том первом путешествии по Маркет-стрит, на полях сделана вставка, повествующая, как наш герой миновал дом своей будущей жены Деборы Рид. «Она стояла у двери, увидела меня и подумала, вполне справедливо, что я произвожу ужасно нелепое и смешное впечатление». И перед нами появляется, пусть всего в нескольких штрихах, образ многогранного человека, которого весь мир знает как Бенджамина Франклина. Сначала перед нами юноша, затем — пожилой господин, оценивающий себя с высоты прожитого, еще позже — главное лицо воспоминаний собственной жены. Краткое самописание удачно завершено словами «вполне справедливо», написанными пожилым Франклином о себе: в них удивительным образом уживаются самоирония и гордость, которую он испытывал по поводу своих невероятных достижений¹.

Бенджамин Франклин — «отец-основатель», дружелюбный ко всем. Коллеги Джорджа Вашингтона вряд ли позволяли себе похлопать сурового генерала по плечу, да и мы вообразить такого не можем. Джефферсон и Адамс выглядят столь же устрашающе. Но Бен Франклин, этот самолюбивый городской делец, кажется, создан из плоти и крови, а не из мрамора; окликните его — и он повернется к вам с исторической сцены, и глаза его за стеклами очков будут поблескивать. Не прибегая к высокопарной риторике, он говорит с нами со страниц своих писем, шуточных заметок, автобиографии, и его открытость и умная ирония настолько современны, что могут завладеть умами и сегодня. Мы видим его отражение в зеркале нашего времени.

За восемьдесят четыре года жизни он состоялся как крупный американский ученый, изобретатель, дипломат, писатель и бизнес-стратег. Вдобавок он был пусть не самым влиятельным, но зато весьма практичным политиком. И ученым: запустив воздушного змея, он доказал электрическую природу молнии, а также изобрел устройство, с помощью которого ее оказалось возможным приручить. Он придумал бифокальные очки и автономные печи*, карты Гольфстрима и теорию инфекционной природы простуды. Он выпустил в жизнь различные общественные проекты, например библиотеку, в которой книги выдаются на дом, колледж, добровольческий пожарный корпус, страховую ассоциацию и фонды, занимающиеся выдачей грантов. Он создал такую модель внешней политики, в которой сливаются воедино идеализм

* «Печь Франклина», или пенсильванская печь, экономичная, минимизирующая потерю тепла.
Прим. ред.

и реализм, а во внутренней политике предложил конструктивные программы по объединению колоний и созданию федеральной модели национального правительства.

Но самым интересным открытием, когда-либо совершенным Франклином, была его собственная личность, которую он постоянно переосмысливал. Будучи первым выдающимся публицистом Америки, в своих работах постоянно пытался создать новый тип американца, а материал брал из собственной души. Он тщательно выстраивал свой образ, выставляя его на обозрение публики и совершенствуя для потомков.

Отчасти Франклин делал это во имя имиджа. Будучи молодым печатником в Филадельфии, он на телеге возил по улице рулоны бумаги, чтобы казаться трудолюбивым. Будучи пожилым дипломатом во Франции, носил меховую шапку, чтобы сойти за мудреца из захолустья. В промежутке создал образ простого, но целеустремленного торговца, ревностно пропагандирующего добродетели — старательность, бережливость, честность, — присущие хорошему лавочнику и полезному члену общества.

Но созданный им имидж основывался на реальных качествах личности. Рожденный и воспитанный среди простых людей, Франклин, по крайней мере большую часть жизни, легче находил общий язык с ремесленниками и мыслителями, нежели с укоренившейся верхушкой, у него была аллергия на пафос и привилегии потомственной аристократии. Недаром на протяжении всей жизни он подписывался «Б. Франклин, печатник».

Из такого отношения к жизни и возникла самая, быть может, важная идея Франклина: идея американской национальной идентичности, основанная на положительных чертах и ценностях среднего класса. Поскольку он инстинктивно придерживался демократических принципов (что было свойственно далеко не всем «отцам-основателям») и при этом ему был совершенно чужд снобизм, постольку в нем жила вера в мудрость среднего человека. Он чувствовал, что новая нация станет сильна за счет так называемого среднего класса. В своих наставлениях Франклин прославлял качества этой социальной прослойки, и его проекты по укреплению гражданской позиции и общего блага создавались для того, чтобы отдать должное новому правящему классу — простым людям.

Сложная взаимосвязь между различными гранями характера Франклина — изобретательностью, врожденной мудростью, протестантской моралью, свободной от догм, — и его принципами (одних он твердо придерживался, в других ему хотелось найти компромисс) свидетельствует о том, что каждый новый угол зрения отражает и преломляет меняющиеся ценности нации. Его поносили в романтические периоды, из него делали героя во время расцвета предпринимательства. Каждая эпоха оценивала его по-новому, и по этой оценке можно судить о самой эпохе.

Личность Франклина по-особому отзывается в Америке XXI века. Успешный издатель и непревзойденный сетевой работник, изобретательный и любопытный, он почувствовал бы себя как дома в условиях информационной революции. Его упорное стремление оказаться в числе самых одаренных и преуспевающих людей делало его, по словам общественного критика Дэвида Брукса, «отцом-основателем яппи*».

* Яппи (англ. Yuppie, аббревиатура от Young Urban Professional Person) — в буквальном переводе «молодой горожанин-профессионал», самоназвание прослойки американского общества, состоящей из молодых состоятельных людей, строящих карьеру, ставящих себе цель достичь успеха в бизнесе и материального благополучия. *Прим. ред.*

Можно запросто представить себе, каково это — пить с ним пиво после работы, показывать ему, как используется новейшее цифровое устройство, делиться бизнес-планами новой рискованной затеей и обсуждать последние политические скандалы или стратегические идеи. Он смеялся бы над свежими анекдотами о священнике и раввине или о дочери фермера. Мы восхищались бы его умением быть одновременно серьезным и самоироничным. Нам стало бы понятней, как именно он пытался добиться равновесия в непростой ситуации — в погоне за репутацией, состоянием, земными достоинствами и духовными ценностями².

Некоторых людей, видящих отражение Франклина в современном мире, беспокоят его мелочность и духовное самодовольство, которое, как им кажется, пропитало культуру материализма. Они считают, будто Франклин учит нас жить только практическими вопросами, преследуя материальные цели, игнорируя одухотворенное существование. Другие, созерцая тот же образ, восхищаются ценностями среднего класса и демократическими настроениями, которые теперь, кажется, распространяются на все социальные типы, включая элиту, радикалов, реакционеров и других враждебно настроенных представителей буржуазии. Эти люди считают Франклина образцом для подражания в плане личных качеств и чувства гражданского достоинства — категорий, которых зачастую недостает в современной Америке.

Конечно же, восхищение и восторги, равно как и недоверие, останутся всегда. Однако уроки, которые Франклин преподавал нам своей жизнью, намного сложнее тех, которые извлекают его поклонники и противники. Обе стороны слишком часто принимают на веру образ целеустремленного пилигрима, созданный им в автобиографии. Они ошибочно принимают добродушное морализаторство за фундаментальную веру, которая предопределяла все его действия.

Его нравоучения построены на искреннем убеждении, что добродетельная жизнь, когда человек служит горячо любимой стране и надеется спастись благодаря своим добрым делам, — это правильно. На этой основе он связывал воедино личные и общественные добродетели и, опираясь на скромные доказательства, высказывал предположение, что воля Божия — как он ее понимал — в том, что наши земные добродетели напрямую связаны с небесными. Такое содержание он вложил в девиз основанной им библиотеки: «Самые угодные Богу деяния — это добрые деяния ради людей». По сравнению с такими современниками, как Джонатан Эдвардс*, полагавший, будто все люди грешны и находятся во власти разгневанного Бога, а спасение возможно лишь благодаря молитве, высказывания Франклина могут показаться несколько самонадеянными. В некотором смысле это так, но зато они были искренними.

Какую позицию вы ни занимали бы, полезно заново познакомиться с Франклином: сделав это, вы сможете разрешить самый важный вопрос — как прожить жизнь полезно, добродетельно, достойно, заполнив ее морально и духовно? И, если на то пошло, какие из этих достоинств наиболее значимы? Для Франклина эти вопросы были важны всегда, как в зрелости, так и в мятежной юности.

* Эдвардс, Джонатан (1703–1758) — один из деятелей религиозного возрождения в Новой Англии. Пуританин и кальвинист одновременно. *Прим. ред.*